

Шерепитко А.С., маг.,
Институт филологии, КНУ им. Тараса Шевченко

ОБРАЗНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ ВЕЧНОСТИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Статья посвящена анализу образных стереотипов восприятия вечности и выделению основных принципов их объективации в русской лингвокультуре. Исследование основывается на текстах художественной литературы, а также данных психолингвистического эксперимента, связанного с интерпретацией содержания образных стереотипов.

Ключевые слова: *образный стереотип, лингвокультура, культурная традиция, структура концепта, психолингвистический эксперимент.*

Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам науки, и вот и вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится.

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание

Знаменитая свидригайловская баня с пауками – не что иное, как попытка деструкции стереотипного образа – условной стандартизированной "картинки", регулярно коррелирующей в сознании носителей русской культурной традиции со словом "вечность". Причем, деструкция эта производится путем замены основных свойств объекта прямо противоположными: огромное, бесконечное и безграничное пространство вечности представляется максимально маленьким и замкнутым (даже не комната, а комнатка), перемещается из реестра высокого, сакрального в область профанного, бытового. Примером стандартизированного русской культурной традицией образа вечности может послужить описание из сборника православных рассказов архимандрита Пантелеймона: "Еще несколько минут, – и человек ступает в вечность. Что же он видит и чувствует? Он видит предметы, для которых у нас нет названий; слышит то, что на земле не может

быть изображено никаким голосом или звуком; его созерцания и не могут быть выражены никакими словами... Он встречает там и подобные себе существа и узнает в них людей, так же отошедших из этого мира... А там, далее, дух видит бесконечное море непостижимого света, из которого выходят и другие существа, более могучие; их природа и жизнь – одно необъятное добро, неизобразимое совершенство, невыразимая любовь: божественный свет наполняет все существо их и сопровождает каждое движение" [Тайны 1998, 16-17]. У Достоевского вечность представлена с точностью до наоборот: вместо "бесконечного моря непостижимого света" – закоптёлая банька, вместо душ умерших и других "могучих" существ, постоянно творящих добро – пауки; подчеркнутая идея "неизобразимости", невозможности на человеческом языке описать то, что дух узрит в вечности, сводится на нет ("вот и вся вечность"). Отсюда следует вывод, что каким бы оригинальным не был индивидуальный художественный образ (в данном случае свидригайловский образ вечности), в своей основе он содержит определенный образ-стереотип, стандартизированный данным культурным сообществом. Образный стереотип определяется как некая устойчивая "картинка", регулярно связываемая с определенным явлением в данной культурной традиции [Шведова 2008, 3]. Вслед за такими учеными, как З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.В. Красных, С.Г. Воркачев, С.М. Толстая, Е.И. Зиновьева и др., рассматриваем образные стереотипы как базовую составляющую концепта.

Цель настоящей работы – выделить и проанализировать основные образные стереотипы восприятия вечности в русской лингвокультуре. Материалом для исследования послужили тексты русской художественной литературы, а также данные ассоциативно-образного эксперимента, проведенного нами в период с февраля по март 2013 г. среди 100 носителей русского языка как родного возрастом 20-25 лет.

В ходе нашего исследования было выделено две условные группы образов-стереотипов вечности. К первой группе можно отнести образные стереотипы, представляющие вечность сущностью отвлеченной от человека и его экзистенциальных проблем; ко второй – образы-стереотипы, в которых отражено представление о вечности как об одной из форм бытия человека

(или человеческой души). Рассмотрим более подробно обе разновидности образных стереотипов.

Вечность – сущность, находящаяся в близких отношениях со временем, отсюда тесная связь систем образов-стереотипов времени и вечности. Образу времени как потока, реки соответствует образ вечности как водоема, куда эта река впадает, представлению о времени как о пути соответствует осмысление вечности как конечного пункта, цели пути. Вечность, как и время, может быть представлена в антропоморфных образах. Вечность, как и время, наиболее часто представляется в терминах пространства.

1. В первую очередь, это пространство, откуда начинается куда направлено движение времени. Такое представление о вечности реализовано в следующих образах:

Вечность как собранное время, резервуар времени. Разворачивание метафоры, лежащей в основе образного стереотипа "время – река", привело к появлению устойчивого образа вечности как водоема, куда эта река впадает: *Как в море льются быстры воды, так в вечность льются дни и годы* (Державин), *Слетает с урной роковой Младый сын Солнца – Новый год!.. Предшественник его с лица земли сокрылся, И по течению вращающихся времен, Как капля в океан, он в вечность погрузился!* (Тютчев). Данный образ согласуется с такими реакциями участников эксперимента на слово-стимул вечность, как: *океан, море, озеро, река, кануть*. Сопоставление образов-стереотипов времени-реки и вечности-океана (моря, озера) согласуется с трактовкой вечности как резервуара накопленного времени, "собранного времени", характерной для традиционной метафизики [Смолина 2005, 85]. Несмотря на то, что современная философия в целом отвергает это представление о вечности, в обыденном сознании оно остается актуальным, что подтверждает наличие в ответах респондентов описание вечности как *круговорота времени, целого времени, неискончаемого периода времени, безлимитного времени* (ср. "вечность это воспринимать все дни как единое целое").

Вечность как бездна, пропасть, откуда всё происходит и куда все ниспадает. Этот образ развивается из предыдущего с акцентуацией идеи абсолютной глубины: вечность – бездонная глубина, из которой происходит и куда со временем погружается весь мир: *Хаоса бытность довременну Из бездн ты <Бог> вечности воззвал* (Державин), *Из бездны вечности, из глубины*

творенья (Майков), *И тихими я шел шагами, Провидя вечность в глубине* (Блок). Признак абсолютной глубины объективируется и с помощью маркеров *пропасть, пучина, жерло*, но в этих случаях подчеркивается идея опасности вечности, неминуемости вечности: *В пучину вечности желалось Ему тебя с собой увлечь* (Капнист), *Всё ужасалось и разверзлось, зияя. Над головою повисла пасть – пропасть Вечности* (Белый). С этим образом тесно связано обозначение вечности как **пространства во тьме**: *таинственная тьма недвижной вечности* (Фофанов), *Из мрака вечности, небытия из бездны...Летит к нам Новый Год* (Костров Е.). Среди ассоциаций, представленных в ответах испытуемых, часто встречались слова *бездна, пропасть, яма, что-то глубокое, поглощающий; мрак, тьма, темнота* (ср. также ответы: "*Черная пустота, в которой все исчезает со временем, не черная дыра, а пространство, из которого все возникает и куда все уходит*"). Однако на оси вертикали вечность равным счетом может располагаться как в области абсолютного низа (*бездна, пропасть*), так и в области абсолютного верха (*небо, космос*), причем вектор движения времени может и не менять направление: *Промчатся быстрые года и канут в небо голубое* (Белый), *Рано, рано, друг сердечный, ты востек на облака* (В.Н. Олин).

Вечность изоморфна абсолютной выси, к которой все восходит и откуда ниспадает. Данный образный стереотип реализуется в отождествлениях вечности и неба: *Над ним есть нечто голубое, та бесконечность, вечность та, Где с всякой дремой о покое О жизни смешана мечта* (Адамович), *Стекали с неба на степной чернозем плавленные дни* (Лавренев), вечности и звездного неба, космоса, вселенной: *Небо звездно, Из него мерцает грозно Вечность мудрая сама* (Фофанов), *Черным бархатом на плечи Вечность звездная легла* (Г. Иванов). Образ вечности как звездного неба является, как показали результаты психолингвистического эксперимента, особо актуальным для современного обыденного сознания. Так, в ответах испытуемых встречались следующие "зарисовки" вечности: "*огромнейшее звездное пространство, которое невозможно объять*", "*красивая небесная сфера с огромным количеством звезд*", "*вечность – это вселенная, в ней неизменно будут тысячи звезд и десятки планет, будут различные существа, которыми движут неизменные истины: борьба за справедливость, место под солнцем,*

общественное признание, любовь и создание семьи", "космос, бесконечный, темный, звездный", "что-то похожее на космос", "космос, пустое пространство со звездами и галактиками где-то далеко", "черная пустота, в которой все исчезает со временем; не черная дыра, а пространство, из которого все возникает и куда уходит". Актуальность данного образа подтверждается и тем, что самыми частотными ассоциациями на слово-стимул "вечность" были следующие: *космос, вселенная, звездное небо, звезды.*

К первой группе образов-стереотипов можно также отнести основные антропоморфные образы вечности (*руки вечности* (Блок), *ропот вечности* (Брюсов), *глаза вечности, взгляд вечности* (Л. Андреев), *очи вечности* (Цветаева). Трактовка вечности как сущности, дающей начало и конец времени, мотивировало распространение таких образов вечности, как: **матери времени** (*О, время, время! Вечность родила Тебя из мглы бесчувственного лона* (К. Фофанов), **старшей сестры времени** (*не знает вечность ни родства, ни племени, Чужда ей боль рождений и смертей, а у меньшей ее сестры – у времени – бесчисленное множество детей... Бегущая минута, незаметная Рождает миру подвиг или стих. Глядишь – и вечность, старая бездетная, усыновит племянников своих* (Маршак). То, что у Маршака вечность называется старой неслучайно, этот же признак был отмечен в ответах участников эксперимента: *старик с палкой, старый дед, образ старца в горах, но почему-то с детьми.* Последний пример следует особо отметить, так как в нем отражена идея совмещения в вечности двух противоположных начал: младенчества и старости, рождения и смерти – и совмещение это неслучайно, что подтверждается данными этимологии [Степанов 2004, 848-849]. Совмещение двух контрарных начал в структуре вечности дало рождение третьему– идее бессмертия. Это нашло свое отражение в ответах испытуемых, которые представляли **вечность в виде бессмертного божества**: *"представляю себе вечность женщиной античных времен, которая правит всем. Женщина в белом платье античного стиля, волосы золотистые, струятся по плечам. Она держит в руках книгу всех поколений, где хранятся все достижения мира. Эта женщина воинственна, горда и независима, но при этом моднока. Ведь вечность – это скука. Ей уже надоело править, она хочет стать смертной", "Вечность –*

бородатый бог из древнегреческой мифологии". Данные образы-стереотипы согласуются с идеей противопоставлять *вечность абсолютную*, полностью преодолевающую время, и *вечность относительную*, в которой вечное бытие сочетается с временным, где временное (смена старого новым) есть необходимая часть содержания мирового бытия" [Аскольдов 1922, 29-30].

Тот же семантический признак реализован в стереотипном образе вечности как книги. Примечательно, что стереотипным в русской культуре является изображение времени в виде книги жизни человека [Шведова 2008, 16]. Вечность же часто воплощается в образе **книги жизни всего человечества, книги всемирной истории**: *Книгу вечности на людских устах не вотще листов* (Цветаева), *И всей их жизни дни внесены Уж в книге вечности читал* (Капнист), *Книга вечности разверзлась* (Радищев). Устойчивость данного образа подтверждается данными эксперимента: *книги, много книг, библиотека* – одни из наиболее частотных реакций на слово-стимул "вечность". В данном образе, а также в ассоциациях типа *руины храма Афины, руины старых городов, развалины цивилизаций, пирамиды, памятник павшим солдатам*, по сути, отражен единая идея – противостояние времени, победа над временем, сохранение памятью, резервация времени.

2. Вторую группу составляют образные стереотипы, представляющие вечность как пространство, которое окружает человека в его посмертном бытии. Образ вечности как места, куда душа отправляется после смерти, может объективироваться в терминах выше названных пространств: водоема (*Все, все валяются сверстники мои ... уносятся, как по реке струи, Текут в бездомный водоем творений, Отколе не бегут уже ручьи Обратно в мир житейских треволений!* (Кюхельбекер), *бездны* (*Смерть мужа праведна – прекрасна! ... в неизмеримы бездны, От мира тленного спеша, Летит сквозь мириады звездны Блаженная твоя душа* (Державин), *неба* (*И только смертного-зениц Ты, ангел слез, дотронешься крылами- Туман рассеется слезами И небо серафимских лиц Вдруг разовьется пред очами* (Тютчев) и т.д. Этому образу соответствуют такие реакции участников ассоциативного эксперимента, как: *душа, смерть, бессмертие, кладбище, могила, гробница* (а также: *"вечность это допустим "душа" которая после смерти тела переходит в другое новорожденное тело рандомного существа на всех обитаемых землях космоса"*).

Стереотипным для русской культуры является представление времени в образе дороги, пути, по которому движется человек [Шведова 2008, 12]. Этому соответствует образ вечности как **конечного пункта дороги жизни, последнего пристанища души**: *Достиг пристанища ты в кроткой ладие И вечности с холмов житейско видишь море: Твое превыше туч впокойстве бытие; А мы в волнах сует И со страстями в споре!* (Костров), *У мускусных перелесиц Замедлят времени кони. И сойду я с певчей кобылы, Кунак в предвечном ауле* (Клюев) (ср. сассоциациямитипа *конец, край, точка*).

Характерным является представление вечности в образе **помещения, которое находится непосредственно за дверью / порогом / занавесом смерти**: *От мира дух твой возлетает Так вечности в прекрасный дом* (Державин), *Завесу вечности колеблет смертный час* (Пушкин), *Кулисы вечности задвинулись* (Бенедиктов), *Бархат темный вечности* (Белый). Этот образ объективируется в устойчивых выражениях со значением "умереть": *занести ногу в вечность, отворить дверь в вечность, переселиться в вечность, пристать к вечности; стоять на пороге вечности, находиться в преддверии вечности* ("быть при смерти").

Как локус, помещенный за дверью смерти, **вечность** становится **изоморфной сакральным пространствам**: *Когда я по лестнице алмазной поднимусь из жизни на райский порог* (Набоков), *Милый друг, ушедший в вечное плаванье, – Свежий холмик меж других бугорков, – Помолитесь обо мне в райской гавани, Чтобы не было других моряков* (Цветаева), *Над виноградными холмами Плывут золотые облака. Внизу зелеными волнами Шумит померкшая река. Взор постепенно из долины, Подъемлясь, всходит к высотам И видит на краю вершины Круглообразный светлый храм. Там, в горнем, неземном жилище, Где смертной жизни места нет, И легче, и пустынно-чище Струя воздушная течет, Туда взлетая, звук немеет... Лишь жизнь природы там слышна, И нечто праздничное веет, Как дней воскресных тишина* (Тютчев). Вечность в образе некоего сакрального локуса ("райского уголка" либо места размещения Мирового дерева) была также неоднократно представлена в ответах участников эксперимента: *"Представляю большое поле с одиноким большим деревом и много солнца вокруг"*, *"представляю, что сижу на каком-то усыпе высоком в пустыне, а вокруг один песок и много солнца – все вечно и нескончаемо, огромный необитаемый остров посреди океана, где всегда тепло"*,

"тихая счастливая гавань под названием любовь и бесконечное здоровье родителей".

Другим вариантом образа вечности как пространства послесмертного пребывания человека является представление о вечности как о **месте абсолютного покоя, тишины**: *Мы теперь уходим понемногу, в ту страну, где тишь и благодать* (Вяч.Иванов), *Я уходил в страну молчанья и могил* (Брюсов), *Вы, приметы бессмертья души <...>, не готов я к такой тишине! Не к живым, а к следам от живых* (Кушнер). Наряду с признаками тишины и покоя – яркими приметами смерти – в структуру стереотипного образа вечности переносится и признак **холода**: *куда бы ни попали Мы после смерти, будет, как зимой: Звук отменен, завален тишиной* (Кушнер), *В этой ясности – холод, холод Вечности в ней* (Мориц), *"ты думал вообще почему все поэты кончают жизнь самоубийством да от ужаса бессмертия своего от страха вечности от холода ее зеркал от льда ее губ оттого что вечность это проклятие а не победа над временем"* (Коровин). Ассоциации: *покой, спокойствие, умиротворенно, мирно; "образ не тронутый человеком природы с дикими животными и неконтролируемыми природными явлениями (водопады, северное сияние и т.п.)", "тихое умиротворенное существование"*.

Вопрос о вечности ада является спорным в христианской теологии и решается путем различной интерпретации слов Иисуса: *"и пойдут сии [грешники] в муку вечную, а праведники в жизнь вечную"* [Мф 25: 46, цит. по:Махов 2006, 14]. Согласно более распространенной трактовке, выражение *"в муку вечную"* следует понимать буквально, но есть и другое мнение, основывающееся на вере в милость и прощение Бога, который не мог бы допустить вечность мук грешных детей своих и лишить их возможности раскаяния, соответственно прилагательное *"вечный"* интерпретируется в значении очень *"долгий, длительный"*, но не *"бесконечный"* [Махов, 2006: 14-15]. По-видимому, для обыденного русского сознания более близкой является вторая точка зрения: анализ материала показал, что образ вечности изоморфной пространству преисподней не является для русского сознания стереотипным. При этом можно встретить индивидуальные художественные образы вечности-ада, например: *Я так продрог, малютка Герда, средь этой вечности безмозгой, средь этой пустоты промозгой, под ненадежной этой твердью. Кружатся бесы, вьются черти* (Кибиров), *Мне, кстати, давно уже приходило в голову, что русским душам*

суждено пересекать Стикс, когда тот замерзает, и монету получает не паромщик, а некто в сером, дающий напрокат пару коньков (Пелевин). Примечательно, что в данных примерах представлен холодный пейзаж ада. Несмотря на то, что во многих средневековых христианских описаниях преисподней присутствует чередование крайностей огня и холода, все-таки более распространенным является ад огненный, объективированный в текстах и изображениях с помощью метафор *печи, кухни, кузницы* [Махов 2006, 27-33]. Стереотипность именно такого образа ада подтверждает характер реакций у современного носителя русского языка на слово-стимул "ад": *раскаленный, огнедышащий, жаркий* и др. [Снитко 2000, 316], *огонь, костер, душный, жарко, котел с кипящей водой, сковородка* [Русский ассоциативный словарь], – среди которых не встретилось ни одного "холодного" атрибута ада. Почему же тогда вечность ада предстала в художественных текстах холодной, а не традиционно горячей? Этот вопрос требует отдельного рассмотрения. Очевидно, что образ огненной вечности вступает в явное противоречие с другими образами (вечности-океана, вечности-неба, вечности-бездны и др.). Кроме того, свой отпечаток накладывают и стандартные представления об огне, который может символизировать как жизненную, созидательную, так и разрушительную силу, но никак не коррелирует с идеей покоя, статики, неподвижности.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно утверждать, что организация системы образных стереотипов восприятия вечности в русской лингвокультуре обусловлена межконцептуальными связями вечности и времени (вечность как пространство, откуда происходит и куда уходит время), вечности и души (вечность как пространство посмертного бытия души). Перспективным представляется дальнейшее исследование принципов внутренней организации концептуальной структуры вечности, базовое положение в которой занимают образные стереотипы.

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. *Аскольдов С.* Время и его преодоление // Мысль. – СПб., 1922, вып. 3. – С. 80–97.
2. *Махов А.Е.* Ад // Махов А.Е. *Hostis antiquus*. Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. – М.: Intrada, 2006. – С. 12–42.
3. *Русский ассоциативный словарь*. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. В 3-х частях, 6-ти книгах / Ю.Н.

Караулов и др. – М., 1994, 1996, 1998. Электронная версия <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>

4. *Смолина А.Н.* Модель вечности как модель организации истории // Фигуры истории или "общие места" историографии. – СПб.: Изд-во "Северная звезда", 2005. – С.83–91.

5. *Снитко О.С.* Образні стереотипи негативної оцінки в контексті проблеми "Етнос і мова" // Мовні і концептуальні картини св.іту. – К., 2010. – С. 314–320.

6. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004.

7. *Тайны загробного мира: свидетельства умерших о бессмертии души и о загробной жизни / сост. архимандрит Пантелеймон.* – Краматорск, 1998.

8. *Шведова М.О.* Вербалізація образних стереотипів часу в російській мові: автореф. дис...канд. філолог. наук: 10.02.02. – К., 2008.

Стаття надійшла до редакції 17.04.2013 г.

Шерепітко А.С., маг.,

Інститут філології КНУ імені Тараса Шевченка

ОБРАЗНІ СТЕРЕОТИПИ СПРИЙНЯТТЯ ВІЧНОСТІ В РОСІЙСЬКІЙ ЛІНГВОКУЛЬТУРІ

Стаття присвячена аналізу образних стереотипів сприйняття вічності та виділенню основних принципів їхньої об'єктивності в російській лінгвокультурі. Дослідження базується на текстах художньої літератури, а також даних психолінгвістичного експерименту, спрямованого на відтворення змісту образного стереотипу..

Ключові слова: образний стереотип, лінгвокультура, культурна традиція, структура концепту, психолінгвістичний експеримент

SHEREPITKO A., mag.,

Kyiv National Taras Shevchenko University

STEREOTYPE IMAGES OF ETERNITY PERCEPTION IN THE RUSSIAN LINGVOCULTURE

*In the article the **Stereotype Images of Eternity** and the main principles of its objectivation in the Russian Lingvoculture are analysed. The research bases on the texts of Russian Literature and the psycholinguistic experiment data.*

Key words: stereotype image, lingvoculture, cultural tradition, concept structure, psycholinguistic experiment.